

«Профессия учёного обеспечивает внутреннюю свободу»

Разговор с В.Е. Накоряковым всегда интересен. Острая наблюдательность и проницательность, очевидно, природные свойства этого человека. Люди, работавшие с ним, отмечают, что его идея иной раз кажется несвоевременной, почти неверной, но через некоторое время оказывается, что он, как говорится, «попал в точку», сумев проникнуть в проблему раньше других. Его умение правильно понять смысл происходящего, чётко сформулировать вывод и энергично отстаивать свою точку зрения проявляется не только в науке. В каком-то смысле мы коллеги: известный ученый активно публикуется в местной и центральной печати, выступает как яркий публицист, анализирующий самые горячие проблемы науки и современного общества. Для «Науки в Сибири» академик Накоряков — знаковый автор, по словам многих, привносящий на наши страницы некую дозу перца. Амплитуда его творчества остаётся по-прежнему широкой.

В канун знаменательной даты мы условились говорить без предварительного плана, «обо всём», а потом оставить то, что покажется юбиляру заслуживающим внимания.

— Владимир Елиферьевич, 26 июля Вам исполняется 75 лет. Какими итогами этих семидесяти пяти лет Вы можете гордиться, а что бы в своей жизни переделали?

— Я довольно рано осознал потребность заниматься наукой. Совершенно неожиданно для себя в одном из своих писем из института в Томске домой я написал, что хочу стать учёным. К счастью, это мое внутреннее желание реализовалось. Профессия учёного в значительной мере обеспечивает независимость и освобождает человека от ощущения одиночества. Учёный получает удовольствие от процесса мышления. На этом пути я достиг всего, чего хотел — жить по своим внутренним правилам, подчиняясь стремлению понять что-то, что никто до тебя не понимал, пусть даже это что-то совсем небольшое. Всё остальное — звание академика, премия «Глобальная Энергия» — было следствием правильного выбора профессии. Кроме того, мне очень повезло с учителями.

— Я слышал, что Вы происходите из не совсем обычной семьи. Расскажите про Ваше детство.

— Я родился в 1935 году в Одессе, в семье директора строительного института. Вся информация об отце я знаю только из его судебного дела 1937 года, по которому он был расстрелян как «враг народа», и небольшой публикации в книге «Партийная организация Амурской области». В деле была следующая информация: из крестьян, образование высшее, русский, вступление в партию до революции в 1917 году, воинский состав — старший политический. Из документов по Амурской области ясно, что отец был первым секретарем Окружкома на Амуре. По рассказам матери, отец воевал у маршала Блюхера, а потом по желанию Блюхера стал политкомиссаром. Матери, мне и моей сестре удалось спастись, быстро переместившись в семью матери моей мамы, которая жила в это время в городе Петровск-Забайкальский в Читинской области. У бабушки в это время был второй муж Николай Степанович Постников, человек мне неродной по крови. Он окончил Льежский технический университет в Бельгии, воевал в Гражданскую, ушел вместе с белыми в Китай, а потом переехал в Читинскую область, где служил техническим директором на знаменитом чугунолитейном заводе. И город, и завод известны тем, что там отбывало наказание большинство декабристов.

Я считаю, что «петровские» годы сыграли определяющую роль в моей жизни. Прекрасно учили в школе. Из нашего небольшого класса вышел один генерал, один контр-адмирал, несколько полковников, один академик, один заслуженный мастер спорта по баскетболу и призёр Олимпийских игр по бадминту. Все девочки нашли свое место в жизни. В городе создавалась своеобразная среда обитания: рабочие завода, не призванные в армию, осевшие в городе после наказания уголовники и политические. На улице приходилось отстаивать свою независимость, но это тоже сейчас можно отнести к везению.

Дедушка Николай Степанович воспитал во мне желание читать, учиться и думать. Уроки я делал утром до школы, а остальную часть дня был свободен. Летом я должен был изучить учебники за следующий год и прочитать несколько дополнительных книг. Дома очень много читали, в том числе и вслух. Уже во втором классе я читал «Всадника без головы» и пересказывал в классе. К рыбалке меня тоже приучил дедушка, заядлый охотник и рыбак.

— Что Вас заставило поехать учиться в Томский политехнический институт?

— Я сделал это по совету деда. Правда, он советовал мне стать геологом, но я выбрал физико-технический факультет. В ту пору Физико-технический факультет ТПИ был полусекретным, готовил ядерщиков. Меня на этот факультет не приняли, и я поступил на энергетический факультет.

В ТПИ учили прекрасно. Термодинамику преподавал профессор Фукс, который по существу ввёл понятие эксэргии. За введение этого понятия польский ученый много позже получил Нобелевскую премию. Математику преподавал ссыльный профессор, в будущем академик математики Малкин, физику — бывший секретарь журнала «Техническая физика» и т.д.

В институте я приобрёл и лучших друзей. С профессором А.П. Бурдуковым и В.П. Томиловым, бывшим руководителем «Новосибирскэнерго», мы познакомились на первом курсе и жили в одной комнате. Часто встречаемся и сейчас. Жизнь моей семьи неразделимо связана с жизнью этих людей. Я всегда могу рассчитывать на их поддержку, а они — на мою.

— Как Вы попали в Институт теплофизики?

— Я был направлен на работу в Западно-Сибирский филиал Академии наук вместе с А.П. Бурдуковым и моей женой Л.А. Бакалдиной в очень хорошую лабораторию, руководимую профессором Яворским. Профессор Яворский в Великую Отечественную отвоювал на передовой, а после войны создал прекрасную лабораторию горения. Кандидатские диссертации я и А.П. Бурдуков сделали в этой лаборатории, однако в руководстве мной большую роль сыграл Самсон Семенович Кутателадзе.

Во время эксперимента в лаборатории Яворского нас пригласили на семинар, где он выступал. С этого семинара началась моя работа под руководством С.С. Кутателадзе. Самсон Семенович относился к той группе ученых, которая мыслит, образно говоря, физическими картинками. Он умел представить себе самый сложный процесс в виде простых моделей, схватывающих самое главное. Таким качеством обладал великий русский учёный П.Л. Капица. Под руководством С.С. Кутателадзе я быстро защитил кандидатскую и докторскую диссертации, и он доверил мне лабораторию. В своей научной деятельности я был предоставлен самому себе и делал буквально всё, что хотел. Это и является настоящим счастьем для учёного.

— Чем Вам запомнились первые годы жизни в Академгородке?

— Это был рай для молодого человека, желающего стать учёным. Мы не успевали перемахнуть по институтам, по семинарам. Семинары у Льва Васильевича Овсянникова в Институте гидродинамики, С.А. Христиановича в Институте механики, М.Г. Слинько в Институте катализа... Лучшей школы для молодого человека быть не может. Удавалось уделять время для прослушивания курсов того же Л.В. Овсянникова по математике, Г.И. Будкера, С.А. Христиановича и других корифеев в замечательном Новосибирском государственном университете.

— Где Вы потом стали ректором...

— После выборов в члены корреспонденты Академии наук по специальности «механика» мне, конечно, хотелось продолжить работу в институте, но районная партийная организация и Валентин Афанасьевич Коптюг попросили меня стать проректором НГУ по науке. А после перехода Анатолия Пантелевиича Деревянко на пост директора Института истории, филологии и философии я в 1983 году стал ректором. Должен сказать, что я считаю это время счастливым для меня. Иногда жалею, что согласился перейти на работу в Президиум Сибирского отделения в заместители председателя. Мне нравилось работать со студентами, которые принимали активное участие в руководстве университетом. Секретарем комсомольской организации был Дмитрий Верховод, председателем студенческой организации — Игорь Кузнецов, известным сейчас бизнесменом. Секретарем партийной организации был В. Миндолин, блестящий, глубоко мыслящий человек, любимец студентов, заместителем у него был будущий профессор С.Р. Сверчков. Должен сказать, что Совет трудового коллектива был у нас не формальный, а фактический. Университет за это время получил звание Министерства образования и был одним из лучших вузов России. Мне кажется, что общение ректора со студентами, привлечение их к руководству является главным ключом успеха в ректорской деятельности.

— Кого из руководителей СО РАН Вы выделили бы особо?

— Михаила Алексеевича Лаврентьева как выдающегося организатора и учёного, Валентина Афанасьевича Коптюга, Андрея Алексеевича Трофимука. Не буду пояснять почему, но для меня это так.

— Как Вы оцениваете сейчас состояние науки в Новосибирском научном центре?

— Я напечатал много статей со своими представлениями о роли науки. Вы знаете, что я участвовал в дискуссии по поводу Технопарка и был противником его размещения на территории Академгородка. До сих пор считаю, что идеальным было бы размещение Технопарка Лаврентьева в зоне Шлюза, Кольцово и Бердска. Считаю безобразием строительство так называемых «элитных» домов и особенно знаменитого «треугольника Завадского». Для меня вопрос, что мы будем делать с не менее чем 500 автомобилями, которые будут размещаться на стоянке около этих домов? Хорошо бы иметь статистику, сколько ученых живет в элитных домах и сколько — бизнесменов из города? Мы теряем не только зелёную зону — Академгородок превращается в спальный район. Я молюсь о том, чтобы победил проект А.В. Квашнина о строительстве второй очереди Академгородка. Уверен, что создание Силиконовой долины на пустом месте в Сколково является ошибкой. Задача академических институтов — генерация результатов фундаментальной науки. Без плодотворного потока новых результатов, неизвестных человечеству, слово «инновация» теряет смысл.

— Что Вы думаете о будущем Академгородка?

— Могут сказать с уверенностью о будущем Института теплофизики. В любом случае он будет существовать, и сейчас появились надежды, связанные с тем, что пошла волна молодых людей, успешно защищающих блестящие кандидатские диссертации, достойные докторских.

— Не могли бы Вы что-нибудь сказать о Вашей семейной жизни?

— Я женился три раза, и два брака — первый и третий — были очень удачными. Сейчас я счастлив в семейной жизни и доволен своими взаимоотношениями с сыном Антоном и внуками. Двое внуков успешно учатся в НГУ. Внучка Варенька получила диплом бакалавра, а внук Владимир будет продолжать учиться на магистра.

— Ваше хобби?

— Люблю заниматься математической экономикой, публицистикой, много читаю и слушаю аудиокниги. Имею домик в деревне Усть-Алеус на берегу Обского моря, в прекрасном лесном месте, расположенном в 130 км от Новосибирска. Сама поездка туда для меня отдых и одновременно работа — я люблю думать в машине. Очень люблю свой коттедж в Академгородке, и моя нынешняя супруга разделяет эту любовь. Кроме этого, я всегда любил собак. В детстве у дедушки-охотника были лайки, у меня была гончая, а потом в нашем доме были лайки, и дог, и сеттер, и такса. А сейчас нашими любимцами являются шотландский терьер и той-терьер. Эти две собачки очень умны и даже смотрят с нами телевизор. Возраст 75 лет оказался для меня очень хорошим возрастом. Я чувствую себя счастливым человеком.

— Что бы Вы рекомендовали молодым людям, идущим в науку?

— Делать работу, результаты которой могут быть неожиданными, а не продолжать начатое руководителем. Стараться найти в любой жизненной ситуации то положительное, что обеспечит успех в будущем. Не расходовать впустую свое время. Учёный должен постоянно думать.

Беседавал Ю. Плотников, «НВС»
Фото В. Новикова

Стезя и хлеб учёного

26 июля 2010 г. — день 75-летия Владимира Елиферьевича Накорякова, старожилы Академгородка, прошедшего в нём яркий путь от начинающего аспиранта до маститого академика, мирового авторитета в области физической и индустриальной механики и энергетики.

Первый сибирский аспирант моего отца, Накоряков был и остаётся уже почти полвека близким другом и товарищем нашей семьи. Юбилей — это не репетиция панихиды, а праздник узнавания, повод выразить чувства признательности близкому человеку, отметить важные и поучительные вехи его жизненного пути. Юбилей — случаи редкого совпадения предпосылок, вкусов и желаний стариков и молодёжи — первым юбилей приятны, а последним бесполезны.

Для публики важны внешние признаки успешности — с этим у Накорякова все в порядке. Достаточно отметить недавнее присуждение ему престижной премии «Глобальная энергия» совместно с британцем Джеффри Хьюитом и исландцем Торштейном Зигфуссоном за исследование в области водородной энергетики. Гораздо важнее отметить обстоятельства, характеризующие личность и внутренний мир Накорякова. Его отличают уникальность и широта интересов, простирающихся от фундаментальных проблем гидродинамики и теплообмена до прикладных вопросов ценообразования в математической экономике. Разносторонность — не запятой симптом праздного любопытства поверхностного и безответственного бездельника с чинами, а проявление активного универсализма исследователя по убеждениям, который не может обойти вечные и злободневные проблемы, стоящие перед человечеством и требующие решения от каждого нового поколения людей.

Изучение и анализ общих тенденций науки, её идейных корней, системы взглядов предшественников, мыслителей и учёных первого ряда сочетается у Накорякова с просветительским даром, желанием и умением понять и понятым поделиться как с коллегами, так и с публикой. Наука хранит обезличенные знания. Научная школа — особый институт, сочетающий функции лица и архива. Научная публицистика — инструмент сохранения научных школ. Накоряков этим инструментом постоянно и умело пользуется. Его публицистика мало кого оставляет равнодушным, вызывает оживлённый обмен мнениями и тем самым катализирует влотекущие мыслительные процессы на верхних и нижних этажах научной иерархии России.

Накоряков внутри больше, чем снаружи, в нём живы способности самоанализа, умение отказаться от заблуждений, стремление изменить окрестных через понимание и разъяснение. Чем глубже и мудрее учёный, тем круче его стезя и горше хлеб.

Накоряков с нами, а вместе всё хорошо и всё возможно.

С. Кутателадзе